

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

УДК 172.12:172.2

В. А. ЕВДОКИМОВ

Омская гуманитарная академия

ТРАНСФОРМАЦИЯ ОТНОШЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННО- АДМИНИСТРАТИВНОЙ БЮРОКРАТИИ К ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Автор статьи выявляет типы трансформации отношения государственно-административной бюрократии к профессиональной деятельности, предлагает характеристику феномена *рептократии*.

Ключевые слова: бюрократия, трансформация, отношение, рептократия, конкуренция, контроль.

Государственно-административная бюрократия как средство осуществления управленческой деятельности не является безликой массой, исполняющей чужую волю, оказывает влияние на механизмы выработки и принятия решений в сфере власти. Отношение сотрудников аппарата законодательных, исполнительных органов, или функционеров, к профессиональным занятиям претерпевает изменения, что влечет как положительные, так и неблагоприятные для общества последствия. Во влиятельную силу превратилась *рептократия*.

В философии понятие «отношение» характеризует взаимозависимость элементов определенной системы и используется для обозначения взаимодействующих вещей как отдельных предметов материальной действительности, обладающих устойчивостью существования. Из размышлений Г. В. Ф. Гегеля вытекает вывод о том, что всякая конкретная вещь состоит в различных отношениях ко всему остальному [1, с. 63–64]. Функционер, включенный в бюрократическую систему, вступает во взаимодействие с множеством людей,

ощущает зависимость, по крайней мере, от части их. Его представление о профессиональных занятиях складывается под влиянием убеждений как осознанных мотивов, побуждающих индивида действовать согласно собственным взглядам, а также особенностей мышления как процесса отражения объективной реальности и решения проблем, связанного с переходом от исходных условий к получению результата.

Для теоретиков, следующих демократической традиции (Ж.-Ж. Руссо, Д. С. Милль, Дж. Коул, К. Пейтман), привлекательность расширения участия граждан в политически важных действиях связана не с обязательным принятием конструктивных решений, а с созданием условий для развития людей, обогащения их кругозора, повышения значимости их взаимоотношений. Совершенствование личности в сфере власти предполагает, что гражданин способен сформировать систему ценностей и определить нормы своего поведения, а мотивы его деятельности устойчивы. Часть людей, желающих пополнить аппарат государственных органов управления, она интересует как инструмент постижения закономерностей развития объективного мира и преобразования общественной среды. Причинами влечения к административной работе могут служить также потребность в признании коллегами достоинств субъекта, стремление подчинить своему влиянию других людей, идеологические представления, корыстолюбие.

Мотивы деятельности функционера характеризуют политическую систему и преобладающие в ней ценностные ориентации, режим власти. На отношение чиновника к профессиональной деятельности влияют используемые в России демократические или авторитарные методы управления, различие интересов государства и общества, патерналистские традиции, формальное разделение власти при доминировании исполнительных органов, распространение непубличных, закулисных форм рассмотрения и принятия решений. В условиях явного или скрытого соперничества, дефицита ресурсов, а также распространения слухов и предрассудков бюрократ действует иррационально, а его претендующие на монополию суждения превалируют над аргументами. Тем сложнее функционеру всесторонне оценить разнообразные обстоятельства, в которых он совершает поступки, а также предвидеть результаты взаимодействия большого количества людей, характеризующихся различными интересами и типами сознания, определить планы, которые можно осуществлять. Чтобы сохранить статус, бюрократ подвергает корректировке ценности и модели своего поведения. Последствия ее можно выявить в анализе действий сотрудников аппарата органов власти, их реакций и мыслей, выражаемых на собраниях, митингах, совещаниях, в масс-медиа, а также межличностном общении.

Какими бы мотивами не руководствовались бюрократы, они не довольствуются участием в реализации управленческих функций и не отстранены от политической деятельности, отражающей отношение субъекта к социальным институтам и направленной на органы государственной власти ради удовлетворения потребностей различных групп общества. Люди, по мнению Р. Михельса, подвержены влиянию «железного закона олигархических тенденций» [2, с. 42]. Способствуя обеспечению предсказуемости и преемственности политического курса, функционеры поддерживают господствующую

партию и управляющих, стремящихся сохранить привилегированное положение, не являющиеся нейтральными по отношению к участникам избирательных кампаний, участвуют в переговорах о распределении властных полномочий, статусов, а также материальных благ. Влиятельность бюрократии в политической сфере очевидна в анализе такого явления, как «административный ресурс». Оно связано с изъятием агитационных печатных материалов, рассказывающих о неугодных чиновникам кандидатах в депутаты, созданием препятствий для них при регистрации избирательными комиссиями или организации встреч с гражданами, давлением на людей, которых будто бы лишат многих благ, если они не проголосуют на выборах так, как им рекомендуют функционеры.

Участие чиновников в политически значимых действиях не соотносится с типом господства, вариантом идеальной бюрократической деятельности, предложенным М. Вебером и предусматривающим наличие обособленных служб и компетенции, установленной в законах и правилах, иерархию в реализации возможностей управления и исполнения, отделение осуществляемой функции от свойств и характеристик человека [3, с. 71]. По мнению исследователя, перспектива демократических государств может быть связана с тотальной бюрократизацией общественной и государственной жизни. Однако позднее Р. Мертоном в анализе деятельности аппарата органов власти применено такое понятие, как «дисфункция», сопряженное с переносом чиновниками акцента с целей организации на ее средства. Вследствие этого дисциплина, инструкции, иерархия становятся самоцелью, сверхконформизм чиновника связан с консерватизмом, боязнью нового, ритуализмом, а «инструментальные цели становятся конечными» [4, р. 199].

Эти качества, впрочем, присущи не всей государственно-административной бюрократии. Она неоднородна, не является единым целым. На эту особенность чиновничьей среды обратил внимание Т. Парсонс. В предисловии к американскому изданию труда М. Вебера «Хозяйство и общество» исследователь привлек внимание читателей к двум противоположным элементам, которые содержит тип идеальной бюрократии: бюрократический и профессиональный [5, р. 58–60]. С Т. Парсонсом солидарен А. Гулднер. По его мнению, профессионал и бюрократ — различные фигуры в организациях и противоположные основания власти [6, р. 262–265].

Именно с профессиональным осуществлением функций руководства связывают такую форму управления, как адхократия, возникшую в 70-е годы XX века. С помощью этого понятия Э. Тоффлер охарактеризовал гибкую, быстро изменяющуюся структуру, в которой место постоянства занимают кратковременность и мимолетность — высшая степень подвижности при переходе от одной организации к другой, постоянно происходит порождение и отмирание временных рабочих групп [7, с. 168]. Их труд не стандартизирован, основан на творческом подходе и самостоятельности в принятии решений, неприсоединении к какому-либо учреждению. Однако общество не выделяет профессионалов в совокупности функционеров. Среди россиян бытует мнение о том, что политика — «грязное дело» и высоконравственных людей в ней не может быть [8], эта деятельность не привлекает 54 процента жителей [9]. Лишь менее четверти граждан хотели бы работать государственными служащими в системе

управления [10, с. 42]. Многие довольствуются тем, что в избирательных кампаниях делегируют полномочия кому-нибудь из претендентов на властный статус, не желают вступать в какую-либо партию. Однако чем больше россияне индифферентно относятся к политике, организации бюрократической деятельности, тем ниже уровень конкуренции среди тех, кто стремится получить административные полномочия в аппарате исполнительных или законодательных органов. Тем легче проникнуть в ряды чиновников людям, воспринимающим корыстолюбие в качестве основного мотива работы.

Изменение отношения функционеров к своему труду может происходить в интересах господствующей в обществе группы, партии, формирующей правительство и региональные органы власти, и (или) общества. Деятельность бюрократа, способного использовать при составлении программ методы социально-политической и экономической диагностики, агрегирования информации при моделировании социальных процессов, незаменимого при составлении докладов и справок, владеющего искусством выдавать беспредметное за содержательное, а новое дело превращать в рутинное, отражает изменение одних представлений об обязанностях чиновника, утрату других, формирование третьих.

Можно выделить несколько типов трансформации отношения государственно-административной бюрократии к профессиональной деятельности. Во-первых, *утилитарный*. Индивиды, окончившие университет или работающие в профсоюзных, общественных организациях, на негосударственных предприятиях, движимые стремлением избежать риски и раскрыть собственный потенциал, прилагают усилия, чтобы оказаться в числе чиновников, и добиваются успеха. Осваивая функциональные обязанности и принимая основные нормы бюрократической деятельности, установленные в этой сфере правила поведения, они претендуют на высокий социальный статус, стабильные доходы и приемлемые условия труда.

Изучая профессиональную среду, чиновник осознает, что в России при вовлечении людей в работу государственно-административного аппарата чаще всего учитывают не деловые и интеллектуальные качества индивида, а протекцию, родственные или дружеские связи. Следовательно, «попадание в обойму» является не только признаком жизненного успеха, но и индульгенцией для неэффективно работающих функционеров, которых переводят из одной государственной организации в другую. У большинства бюрократов вырабатывается способность быстро трансформировать взгляды, подавлять автономность мышления в пользу принятия анонимных коллективных решений, не дающих возможность определить, по чьей вине допущены ошибки. Как правило, чем выше по служебной лестнице поднимается функционер, тем скорее формируется его если не высокомерное, то пренебрежительное отношение к гражданам, не работающим в органах власти, а собственное участие в контроле политического сознания и поведения людей он воспринимает как необходимость.

Постепенно углубляется разрыв между целями чиновника (квалифицированная подготовка проектов концепций, планов деятельности органа власти, обеспечение взаимодействия с подведомственными организациями, точное исполнение решений) и результатами его усилий. Бюрократ приходит

к выводу, что часть принимаемых решений необоснованна, привыкает к отсутствию планомерности в деятельности государственно-административного аппарата, участию в составлении программ, которые остаются на бумаге. Периодические проявления активности лидерами, их попытки побудить чиновника к интенсивному труду он воспринимает, как неизбежный компонент службы, складывается его убежденность в том, что традиционный ритм неспешной работы рано или поздно будет восстановлен.

По мере освоения функционером обязанностей в государственно-административном аппарате формируется его противоречивое отношение к профессиональной деятельности. Многие бюрократы с отвращением воспринимают чиновничью службу, но опасаются потерять ее. У них вырабатывается не только пренебрежительное отношение к руководителям органов власти, но и угодничество перед ними. Изменение представления функционеров о профессиональных занятиях не ведет, как правило, к снижению самооценки, у них формируется убеждение в том, что уместно унижаться перед единицами, чтобы управлять многими.

Трансформация отношения государственно-административной бюрократии к службе связана не только с приспособленчеством. Некоторые исследователи отмечают, что «современный чиновник идет на риск в необходимых ситуациях», «во все большей степени ориентирован на инновационные изменения», «использует информационные технологии, которые являются оперативным средством рационализации управленческой деятельности» [11, с. 352]. Возложение на функционеров ответственности за разработку какой-либо программы или концепции и поощрение их самостоятельности в поиске решения социальных проблем может привести к мобилизации ими возможностей, которые ранее не были востребованы руководством. Однако изменение представления многих бюрократов о профессиональной деятельности сопровождается и насыщением их лексикона словами «модернизация», «инновация», «глобализация», «демократия», «кластер», отражающими политическую моду, приобретением навыков в компиляции трудов ученых, выступлений иностранных политических деятелей, экстракты из которых оказываются пригодными при составлении программ, концепций. Если же функционеры не чужды тяги к риску, то реже она проявляется в интересах решения насущных социально-экономических проблем, чаще — ради следования хитроумным схемам освоения бюджетных средств или достижения успеха в борьбе за возможность участвовать в распределении их.

Изменение отношения части чиновников к профессиональной деятельности выражается в стремлении к институционализации обогащения. К XXI веку сложилась *рептократия* («репильный» — продажный, коррумпированный, греческое *kratos* — сила, власть, господство) — разветвленная сеть устойчивых, организованных групп государственно-административной бюрократии, злоупотребляющих полномочиями в условиях разделения обязанностей, конспирации и круговой поруки и ориентированных на системное получение личной выгоды путем неофициального перераспределения бюджетных ассигнований вопреки интересам общества и государства.

Основа для формирования таких объединений функционеров в России складывалась на протяжении нескольких столетий. И уже в начале XX века

общество стало отчетливее осознавать, что незаконное перераспределение государственных ассигнований не является уделом одиночек. Сенатские ревизии 1910–1913 годов, материалы которых послужили поводом для судебных процессов, показали, что у чиновничества (особенно высшего) существовали «неофициальные, аферистские, уголовно наказуемые источники доходов, которых нет в распоряжении других общественных групп, и размеры этих доходов были отнюдь не незначительные» [12, с. 4]. В 1915–1916 годы выявлено большое непроизводительное расходование казенных денег Земским союзом и Союзом городов [13, с. 203]. Казнокрадство не было изжито и в Советском Союзе. В 1930–1940-е годы в СССР сложилась разветвленная нелегальная система торговли, производства и посредничества, охватившая все сферы изготовления и сбыта товаров потребления и оказания услуг населению, действовавшая параллельно с официальными государственными организациями, «одновременно находясь с ними в тесной связи». Степень сплоченности в группах расхитителей росла, этим объединениям была свойственна четкая структура, они действовали в условиях строгой конспирации [14, с. 34].

Формированию рептократии благоприятствовали и обстоятельства, сложившиеся в 1990-е годы. В ходе реформ произошли изменения в социальной структуре российского общества, сложились имущественная дифференциация и стратификация по новым основаниям, отменены многие из запретов и ограничений, существовавших ранее в сфере организации людьми самостоятельных акций. Данные процессы сопровождались легализацией теневых групп, действовавших в советские времена за пределами правового пространства. При избирательном применении законов, непрозрачности в расходовании бюджетных ассигнований специфические взаимодействия превратились в устойчивый, постоянно воспроизводящийся феномен, который, интегрируясь в формирующуюся систему общественных отношений, становится нормой поведения больших групп индивидов [15, с. 54–55]. Рептократия не только охватывает государственные организации, но и стала партнером частных предприятий в конкурентной борьбе, действует в сферах дорожного строительства, здравоохранения, продажи вооружений и военной техники и иных. В объединениях чиновников, злоупотребляющих полномочиями, царит строгая дисциплина, между ними распределены специфические обязанности, связанные с обеспечением распределения бюджетных средств, прикрытия участников акций во взаимоотношениях с правоохранительными органами, компрометации чиновников, наделенных правом контроля и проявляющих интерес к деятельности сообществ, совершающих противоправные действия, а также наделением партнеров незаконно перераспределенными наличными суммами. Опасения функционеров, воспринимающих себя как ловких добропорядочных людей, заботящихся о благосостоянии своих семей, по поводу возможности привлечения их к ответственности минимальны. Административные учреждения выявляют малую часть нарушений законодательства, допущенных чиновниками, а материалы проверок чаще всего не передают правоохранительным органам и не придают огласке.

Высокий уровень организации взаимодействия членов устойчивых групп бюрократов, недостаточ-

ные усилия, прилагаемые контролирующими органами, несовершенство законодательства создают условия для широкого распространения рептократии. Это явление известно во многих государствах, осуществляющих реформы модернизации, а также в некоторых западных странах, где, несмотря на установление между индивидами в основном договорных отношений, регулируемых правом, можно наблюдать следование противозаконным схемам в финансовом секторе. В США проблема нарушений закона коренится в системе, в которой низшие классы, мафия, коррумпированный публичный сектор и преступные сообщества объединяются ради выгоды и власти [16, р. 9–10].

В качестве еще одного типа трансформации отношения чиновников к профессиональной деятельности можно выделить *статусный*. Он характеризует высокопоставленных сотрудников предприятий, финансово-кредитных учреждений, негосударственных фондов, обладающих управленческими способностями и перешедших в органы власти. Для одной части деловых людей, в которых уживаются стремление служить Отечеству и прагматизм, ориентация на первоочередный учет собственных интересов, новая деятельность открывает возможность самоутверждения. Не удовлетворенные положением преуспевающих индивидов, известных служащим конкретной компании и деловым партнерам, они намереваются убедить общество, что способны управлять многочисленными группами населения. Настроенные таким образом функционеры жаждут привнести в бюрократическую деятельность больше динамизма, мобильности, помочь политическим лидерам в реализации крупных социально-экономических проектов, готовы сменить тех руководителей, которые недостаточно эффективно действуют в административных учреждениях.

Деловые люди подготовлены к вероятным разочарованиям, восприятию нравов, царящих в чиновничьей среде, но действительность превосходит их ожидания. Пытаясь спроецировать хозяйственные методы на административную деятельность, они вязнут в длительном согласовании возможных действий органами власти, имеющими различные интересы. Рутинное дело поглощает силы деловых людей, ставших функционерами, они вынуждены либо принять нормы деятельности бюрократии, либо сменить место работы.

Для другой части представителей сферы бизнеса, среди которых – и люди, в прошлом являвшиеся деятелями теневой экономики, труд в качестве чиновника в органах власти служит инструментом для лоббирования коммерческих интересов. Приобщение к среде государственно-административной бюрократии, приобретение власти над множеством граждан способствуют повышению самооценки индивида. Терпимо относящийся к нарушениям закона, он предрасположен к взаимодействию с рептократией.

Можно выявить и такой тип трансформации отношения функционеров к профессиональным занятиям, как *рефлексивный*. Он раскрывает возможности интеллектуалов, обладающих теоретическими и практическими знаниями и участвующих в деятельности государственно-административного аппарата. Одна часть их публично выражает склонность к творчеству и преобразованиям, но она оказывается притворной. Интеллектуалы легко адаптируются в новой среде, если в действительности движимы меркантильными устремлениями и готовностью

беспрекословно подчиняться бюрократической дисциплине. Продвигаясь вверх служебной лестнице, эти индивиды, как правило, не выдерживают испытания привилегиями, властью над множеством людей, а также близостью к сфере распределения бюджетных средств. Их подход к оценке социально-политических явлений упрощается, сводится к поиску выгод для господствующей в обществе группы. Все реже уделяя внимание потребностям граждан, функционеры в большей мере увлечены удовлетворением собственных пристрастий, так же, как некоторые деловые люди, могут пополнить ряды рептократии.

Другая часть интеллектуалов, напротив, вынашивает конструктивные идеи, нацелена на участие в реализации интересов социальных групп, но чаще всего не наделена весомыми полномочиями в системе властных отношений. Представления этих людей об административных делах как о творческой преобразовательной деятельности вступают в противоречие с ценностями, которым привержен чиновник (утилитаризм, стабильность, патернализм, потребление). Бюрократия признает мыслительную силу и порядочность интеллектуалов, но предлагаемые ими проекты либо отвергает как нереалистичные, либо вносит существенные коррективы, подчас изменяющие их до неузнаваемости. Если профессионалы, лишь в малой степени раскрывающие возможности в деятельности государственно-административного аппарата, не становятся конформистами и не утрачивают способность действовать самостоятельно, тягу к творчеству, они могут оказаться полезными во временных рабочих группах.

Несмотря на противоречия, существующие в их отношениях, бюрократы и профессионалы, видимо, обречены на сосуществование. Временные творческие группы едва ли способны вытеснить занятые ежедневно рутинным делом организации, в которых обеспечены жесткое разделение и строгая регламентация труда и которые поддерживают связь звеньев механизма воспроизводства чиновничества.

Сосуществованию бюрократов и профессионалов благоприятствует и то обстоятельство, что критерии, позволяющие отделить одних от других, неопределенны. Учет дел функционера подобен сизифову труду. Руководители органов власти не имеют представления об эффективности действий подавляющего большинства людей, подчиняющимся им. Чиновники хотят всегда выглядеть, как знатоки дела, преуспевают в сокрытии собственных упущений, прилагают усилия для компрометации интеллектуалов, входящих во временные рабочие группы. Иногда и потребность в мимикрии не возникает: некоторые качества, привычные для бюрократа (скрупулезность в подготовке документов), присущи многим профессионалам.

Возможно ли усиление воздействия профессионалов на бюрократическую среду? Разработка механизма поиска наиболее ценных представителей социальных слоев, готовых служить обществу, с большим или меньшим успехом ведется в различных странах. Компонентами данной системы являются институционализация требований к деловым и нравственным качествам административных руководителей, повышение влияния кодексов чести на государственных служащих, организация конкурсов для претендентов на бюрократические должности. Но не существует страны, где действует эффективная система отбора, обеспечивающая

профессиональную компетентность функционеров и обладание ими такими качествами, как честность, уважение законов и прав гражданина, способность заботиться об общем благе. Многие представители государственно-административного аппарата не вовлечены в деятельность рептократии лишь из-за отсутствия возможности участвовать в распределении бюджетных ассигнований.

Влияние профессионалов на чиновничью среду ослаблено в России в связи с тем, что чиновничество неподконтрольно обществу, а стимулы для совершенствования деятельности функционеров неочевидны. При отборе людей для бюрократического аппарата высока конкуренция не среди лучших представителей социальных групп, а среди членов кланов как устойчивых административно-экономических групп, состав которых объединен общими интересами и консолидируется вокруг деятелей государственной власти. В этих обстоятельствах ценны усилия традиционных масс-медиа, онлайн-изданий и оппозиции, распространяющих сообщения о рептократии, нарушениях правовых и этических норм, допускаемых госслужащими.

Данные сведения отражают и трансформацию отношения функционеров к профессиональным занятиям, которая нередко свидетельствует об их готовности влиться в ряды рептократии, открытой для любого чиновника, причастного к распределению бюджетных ассигнований. Ее ценности разьедают административный аппарат, существует возможность деградации системы управления. Однако лидеры, законодатели и государственная бюрократия терпимо относятся к деятельности рептократии, так как она лояльна политическому режиму, создает условия для расширения круга действия любых идеологических представлений, угодных господствующей в обществе группе, заинтересована в сохранении политического равновесия, обеспечении экономического благополучия страны. В то же время рептократия препятствует совершенствованию работы функционеров, а также распространению адхократии, так как последняя стремится привнести в их деятельность иные ценности (творческий подход, независимость, приемлемость экспериментов). Обновлению среды чиновников, повышению эффективности их деятельности содействует регулярная сменяемость политических элит. Приобретению государственно-административной бюрократией черт мобильной, динамично развивающейся системы благоприятствуют конкуренция среди людей, претендующих на должности госслужащих, контроль обществом деятельности функционеров.

Библиографический список

1. Гегель, Г. В. Ф. Наука логики : в 3 т. / Г. В. Ф. Гегель. — М. : Мысль, 1971. — Т. 2. — 268 с.
2. Михельс, Р. Демократия и железный закон олигархии / Р. Михельс // Диалог. — 1991. — № 3. — С. 42–45.
3. Вебер, М. Образ общества / М. Вебер // Избранные произведения. — М. : Прогресс, 1990. — 808 с.
4. Merton, R.K. Bureaucratic Structure and Personality // Merton R.K. Social Theory and Social Structure. — New York : Free Press, 1957. — P. 195–206.
5. Parsons, T. Introduction / Weber M. The Theory of Social and Economic Organization, translated by A. M. Henderson and T. Parsons. — New York : Oxford University Press, 1947. — 448 p.
6. Gouldner, A. The dialectic of ideology and technology: the origins, grammar, and future / A. Gouldner. — L. : Macmillan, 1976. — 304 p.

7. Тоффлер, Э. Шок будущего / Э. Тоффлер. — М.: АСТ, 2002. — 557 с.
8. Массовое политическое участие в России. Пресс-выпуск № 1728 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: wciom.ru (дата обращения: 20.04.2014).
9. Политическая жизнь страны: оценка и участие. Пресс-выпуск № 2269 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: wciom.ru (дата обращения: 20.04.2014).
10. Бюрократия и власть в новой России: позиция населения и экспертов. Аналитический доклад. — М.: Институт социологии РАН, 2005. — 98 с.
11. Новая философская энциклопедия: в 4 т. — Изд. 2-е. — М.: Мысль, 2010. — Т. 1. — 744 с.
12. Рубакин, Н. А. К статистике русского чиновничества / Н. А. Рубакин // Спутник чиновника. — 1912. — № 4. — С. 1—4.
13. Веселовский, Б. Б. Самоуправление на рубеже новой жизни / Б. Б. Веселовский // Земское дело. — 1917. — № 5—6. — С. 203—205.

14. Говоров, И. В. Теневая экономика и борьба с ней в Ленинграде в 1930—1940 гг. / И. В. Говоров, С. Б. Кокуев // Вопросы истории. — 2008. — № 12. — С. 24—35.
15. Шабанова, М. «Не правовая свобода» и социальная адаптация / М. Шабанова // Свободная мысль. — 1999. — № 11. — С. 54—67.
16. Simon, D. Elite Deviance. 3rd ed. / D. Simon, D. Eitzen. — Boston etc.: Allyn and Bacon, 1990. — 367 p.

ЕВДОКИМОВ Владимир Анатольевич, доктор политических наук, доцент, профессор, заведующий кафедрой филологии, журналистики и массовых коммуникаций.
Адрес для переписки: EvdokimovVA@list.ru

Статья поступила в редакцию 24.04.2014 г.
© В. А. Евдокимов

УДК 129

Н. В. ФЕДОРОВА

Омский государственный
педагогический университет

ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ ПОНЯТИЯ «ДЕВИАНТНОСТЬ»

В статье рассматривается этимология понятий «девиантность» и «отклонение». Анализируются статьи различных словарей. Выделяются существенные признаки. Формулируется определение рассматриваемых понятий.

Ключевые слова: отклонение, девиантность, норма, сущность, этимология.

Чтобы понять природу любого явления, необходимо выявить его сущность, основные свойства, то, что выделяет данный феномен как отдельное с его особенными признаками. Однако специфическое в отдельном, как и само отдельное, не существует вне связи с общим, поэтому, чтобы раскрыть природу девиантности, необходимо начать с более общего понятия — «отклонение».

Этимологически «отклонение» происходит от глагола «отклонить», из от- + клонить праславянской формы, от которой в числе прочего произошли: старославянское клонити (др.-греч. κλίνειν «наклонять»), русское «клонить», украинское «клонити», белорусское «клониць», болгарское «клоня» «клонити», скаронское «клонити», сербохорватское «клонити», «кло́ним» «уклонять(ся), склонять(ся)», словенское klóniti, klónim «защищать, заслонять», чешское klonit «наклонять; сгибать», словацкое kloniť, польское klónić, klónić, возможно, родственно литовскому klānas «лужа», латышск. klans — то же, первонач. «наклон, скат»; с другой ступенью вокализма: литовское klōni, klōnio «низкое место на пашне», а также литературное klonys «долина», klonė «низина».

То есть в любом случае это означает изменение первоначального положения. Хотя определенные различия все-таки можно обнаружить, условно разделив их на три группы. Так, если в старославянском, русском украинском, белорусском, а также болгарском и чешском языках слово означает действие по отношению к кому-либо или чему-либо, причем это действие может носить как положительную-нейтральную «...наклонять ветку», так и отрица-

тельную направленность «...склонять к проступку». В сербохорватском и словенском смысл меняется с воздействия на действие как таковое «...уклоняться (самому) от ударов судьбы», «...склоняться к чьему-либо мнению», «...защищать честь мундира», «...заслонять свет. А вот в словацком, польском, литовском, латышском языках действие как таковое уходит на второй план и в смысле, в большей степени, отражается результат этого действия: лужа может появиться только в том случае, если поверхность изменилась, то есть появился наклон, либо имеется в виду сам наклон этой поверхности, и что, на наш взгляд немаловажно, изменение поверхности происходит не в любую сторону, а только в сторону снижения уровня.

Подтверждается это и теми синонимами этого слова, которые можно обнаружить в соответствующем словаре, как то изменение, ответвление, колебание, уклонение, отход; отказ, отступление, браковка; аномалия, неправильность, ненормальность, аномальность, патология; девиация, странность, загибон, откидывание, отодвигание, аттракция, атипия, пресечение, отметание, экскурс, дигрессия, флуктуация, дифракция, заворот, поворот, центро-отклонение, расхождение, неточность, отбрасывание, отведение, несоответствие, абберация, амплитуда, сдвиг, дрейф, снос, отвержение, смещение, отвод.

Однако в немецком языке значение понятия «отклонение» (нем. Ausweichung) несколько изменяется, так как его принято определять как кратковременный уход (например, «...уход в побочную